

О ЯЗЫКЕ, ЖИЗНИ И ПОЧТОВЫХ ЛОШАДЯХ...

(раздумья бывшего)

Игорь Дубинский

Я начинаю эти размышления на бумаге, хорошо понимая — как и любое печатное произведение, они не окажут ни малейшего влияния на жизнь в нашем обществе. К тому же посвящены они профессиональным переводчикам — подвигу интеллигенции, плохо изученному и для не причастных малоинтересному, хотя и претендующему, похоже, на занесение в "Красную книгу". Человек, однако, берет молоток, зубило и скрижали, растирает тушь, очиняет перо или стучит по клавиатуре не потому, что верит в силу слова — просто ему выпало принадлежать к немногим

несчастливым, которым не обойтись без самовыражения. Люди, говорящие на каких бы то ни было языках, кроме двух самых распространенных и близкородственных — административного и матерного, испокон веков считались в народе чужаками, а у властей вызвали непреодолимое желание взять под колпак, а лучше — на цугундер. Все же толпы проходимцев, хлынувших в последний десяток лет в нашу страну в погоне за длинным рублем, и бреши в нерушимой прежде границе, пробитые изнутри, побуждали часть соотечественников поспешно осваивать лексикон восточно-западных базаров. У большинства пыл вскоре иссяк, поскольку выяснилось, что "за морем" и без того владеют всем у нас известным (а для многих — родным) языком нашего северо-восточного соседа. Тем не менее изучение иностранных языков успело превратиться в занятие, не уступающее по популярности изучению языка государственного; учебные заведения, никогда не претендовавшие или, того хуже, прежде претендовавшие на причастность к этой сфере, лихорадочно вписывают в перечень и специальность "переводчик", а опрос первокурсников, во что бы то ни стало желающих эту специальность получить, показывает, что подавляющее большинство считает ее "денежной". Впрочем, их знания о труде

переводчика чаще всего почерпнуты из рекламы пастилок "tic-tac" для освежения рта.

Загадочность для непосвященных содержания труда переводчика экстра-класса и несоответствие его бытующим общественным стереотипам породили мифы, что живут в умах и по сей день. Любопытно, что два самых стойких мифа, отражая к тому же амбивалентность человеческого мышления, в основном и определяют отношение нашего общества к переводчикам.

Миф первый: работа переводчика проста. В самом деле, болтает человек языком или стучит себе по клавишам — без видимого напряжения. Притом его еще то и дело за границу возят бесплатно! Верующим в этот миф я предложил бы три раза в день переводить синхронно со всем известным украинского языка на всем

Коллаж: В.Половец

известный русский пятиминутные выпуски радионовостей. Это упражнение превосходно помогает сбросить лишний вес. Правда, не исключен побочный эффект — невроз.

Миф второй: перевод всегда хуже оригинала. Причины возникновения этого мифа несколько, но, конечно же, главная — подспудное чувство людей, толком не говорящих даже на одном, казалось бы, родном языке, что выучить чужой язык невозможно, и понятное желание охаять тех, кому это удалось. У гуманитариев-образованцев, слышавших о Гумбольдте и Шлеермахере, это чувство вылилось во мнение, будто каждый язык отражает особенности культуры соответствующего народа, а значит, то, что на нем сказано, может быть понято до конца лишь внутри этой культуры. Эта точка зрения давно опровергнута теоретиками перевода. Не вдаваясь в подробности: во-первых, возможность говорить о любых предметах и явлениях — одно из главных свойств всякого языка; во-вторых, если мы принимаем, что мир един, то есть существует объективно и не зависит от того, кто его воспринимает, значит, любой язык равно пригоден для того, чтобы говорить обо всех предметах и явлениях мира, независимо от того, сказано ли уже о них на другом языке. Наконец, у "технарей" — ощущение, будто специалист, хоть немного знающий язык, поймет все лучше переводчика. При этом мало кто отдает себе отчет в том, что переводчик-профессионал разбирается не хуже многих специалистов не в одной, а в добром

десяти областях науки и техники, но при этом не страдает гипертрофией собственного авторитета. Впрочем, в последнее время, пожалуй, этот миф переживает "вторую молодость" из-за непомерного количества халтуры в переводе.

Миф третий: переводчик — профессия "денежная". Кажется, окончил с грехом пополам "инъяз", и можно "заколачивать" денежки. Не тут-то было: знания языка, которые дает вуз, — всего лишь возможность начать учиться на переводчика. Профессионализм достигается (в лучшем случае) лет этак через десять напряженного и дурно оплачиваемого труда. К тому же опытный переводчик немалую часть своих доходов тратит на словари и оргтехнику. Кстати, за границей мало кто работает переводчиком больше пяти лет кряду: слишком много занятий, которые куда легче, а оплачиваются лучше этого.

Последние десять лет в очередной раз напомнили, что культура и наука — наиболее уязвимые стороны жизни общества. Развал экономики сказался на них, пожалуй, тяжелее всего. Конец государственного финансирования науки одновременно стал концом государственной системы научно-технического перевода. Перевод художественный, и раньше сосредоточенный более в российских столицах, в нашей стране умирает. Поколение переводчиков — тонких знатоков языка, эрудитов, стилистов — склоняется к закату, не вырвавшись сменя. Горестно смотреть по телевизору, как руководители нашего независимого государства говорят на языке чужой страны, не найдя переводчика на украинский (справедливости ради заметим, что русский им зачастую ближе самим), или заморские гости мучительно насилюют английский язык, потому что на их родном никто из пятидесяти миллионов украинцев не говорит. Впрочем, зачастую найти нужного специалиста — нетрудно, будь критериями поиска профессиональные качества, а не принадлежность к номенклатурным кругам (самого сотрудника или его родителей) и "чистота" анкеты.

Итак, переводчики-профессионалы, как это принято говорить об интеллигенции, оказались невостребованными в родной стране. Насколько мне удалось наблюдать, дальше их ждали три пути. Два из них роднит использование знаний языка как подсоб-

ного средства: это — эмиграция либо работа в иностранных фирмах на должностях, с переводом не связанных. Третий путь более любопытен: выбравшие его продолжают заниматься любимым делом, перейдя, однако, в разряд то ли "скрытых эмигрантов", то ли "виртуальных иностранцев".

В индустриальном обществе, описанном Марксом, основным создателем материальных благ был промышленный рабочий, отчужденный капиталистами от средств производства и вынужденный поэтому продавать свой труд на их условиях. Но этим временам приходит конец. Главным источником благ стал умственный труд, а его материальной базой — глобальная вычислительная сеть. В таких условиях отчуждение работника от основного средства производства — собственных мозгов — уже немислимо, и каждый, кто в состоянии купить себе компьютер и подключиться к Internet, может сам диктовать условия капиталистам или хотя бы выбирать себе работодателя. Логика нанимателя тоже очень проста: зачем платить пятьдесят долларов в час, скажем, программисту из США, если его коллега в Индии работает ничуть не хуже, а удовлетворяется пятьюдесятью долларами в неделю? Затраты на организацию связи по электронной почте при этом пренебрежимо малы. Работающих в таком режиме на Западе уже окрестили "виртуальными иностранцами".

Посмотрим на все эти реалии и глазами

переводчика. В богоспасаемом отечестве предлагают доллар-два за страницу. Заказов при этом мало, а то, что есть, — в основном, контракты, учредительные документы да бумаги отъезжающих. На такую скучную работу и унизительную оплату соглашались лишь от безысходности или дилетантства. В Америке и Европе за страницу платят тридцать-пятьдесят долларов, но только "своим". Нечто среднее, т.е. профессиональная работа долларов по десять за страницу, — это вполне разумное предложение. Тем более, кое-какая потребность в грамотном переводе есть: солидным корпорациям не пристало предлагать клиентам ахинею под видом документации, да и объемы продаж начинают оправдывать затраты на перевод на украинский язык. Организовывать работу так, чтобы получать тексты и отсылать переводы по электронной почте, совсем несложно. Еще удобнее, если у тебя счет в банке и кредитная карточка: плата за работу тоже становится электронной. Это, так сказать, решение для "единоличника". Несколько переводчиков могут в складчину открывать контору за границей. Даже с учетом накладных расходов этот вариант выгоднее, чем работа на местных клиентов. При этом для заказчика эти переводчики будут "виртуальными иностранцами", а для своих — "скрытыми эмигрантами", пытающимися опровергнуть тезис Ленина о несвободе от общества, в котором живешь.

В советские времена вузы и факультеты, где выдавали диплом переводчика, принадлежали исключительно к военному ведомству. До сих пор многие мои друзья, родившиеся после Отечественной войны, поражают нас, "шпаков", боевыми медалями в праздник Победы. Обычных же, "мирных", переводчиков как бы и не существовало, разве что в "Интуристе" (где, впрочем, их именовали "гидами") да на киностудиях (там они назывались "авторами синхронного текста"). А те, кто не входили в военно-ведомственную "пульку" (десять тысяч технических переводчиков), вели "партизанскую войну", числясь чаще всего на инженерных должностях и помогая иностранцам заключать миллиардные контракты на закупку нефти и поставки зерна, строить и перестраивать заводы, а советским ученым — получать каждый год миллионы страниц свежей информации о достижениях коллег во всех уголках земного шара. Так что к жизни если не подпольщика, то, как тогда

говорили, "подснежника" — переводчикам не привыкать.

Особого упоминания заслуживают переводчики художественной литературы. Годы жизни отдавали они переводу понастоящему ценных произведений и под недреманным оком Главлита умудрялись протаскивать в печать переведенное — не только классиков и пролетарских писателей. Война лучших представителей этого жанра с буквализмом, формализмом, отсебятиной и прочей халтурой в переводе, казалось, завершилась окончательной победой в 60-х годах.

Те из клиентов, кто гоняется за дешевой (неважно, от жадности или по недомыслию), просто обречены пользоваться халтурой. Ряды же халтурщиков крепнут не только среди представителей переводческого ремесла. Не обязательно быть дегустатором, чтобы отличать осетрину первой, а значит, и последней свежести от тухлой, или специалистом по оценке качества работы сферы обслуживания — от жэков до парламента. Но, чтобы не уподобляться "пикейным жилетам", ограничусь рассуждениями лишь о том, что знаю не понаслышке.

Бацилла халтуры в переводе, казалось, была окончательно побеждена три десятка лет назад. Советская школа художественного перевода по праву считалась одной из сильнейших в мире, в системе перевода научно-технической литературы был организован плотный круг редакторских проверок и периодических аттестаций. У переводчиков сформировалась своего рода профессиональная гордость, не позволявшая работать некачественно. Переводчики художественной литературы становились членами Союза писателей, а мы, технические переводчики, основали свою Ассоциацию, с первой же попытки принятой в Международную федерацию переводчиков.

Что же произошло в последние годы? В одночасье рассыпалась прежняя система организации перевода, но тут же возник и небывалый спрос на дешевую переводческую работу. Во-первых, появилось множество издателей, прежде всего, бульварной литературы, а затем — популярных книг по компьютерам, экономике, психологии, управлению, оккультизму, поставленных налоговой политикой государства перед жесточайшей необходимостью экономить каждую копейку. Тут же возникли и иностранные "деловары", хорошо осведомленные о

среднем уровне заработной платы в нашей стране (до сих пор не возьму в толк, сознают ли они, что именно эта "средняя" зарплата все и развалила). Ну а спрос породил предложение — студентов и домохозяек. Кстати, нечто в этом роде уже происходило — во второй половине XIX века, когда множество книг переводили очень быстро, но неизменно скверно.

К тому же в советские времена обучение иностранным языкам было поставлено, что называется, "для блезиру". Разумеется, об этом не говорили вслух, да и сейчас не говорят, поскольку мало что изменилось, а "прежние" люди и поныне на своих местах. Но еще живущая методика преподавания не просто исключает возможность активного овладения языком, а создает у большинства обучаемых устойчивый психологический барьер, в особо тяжелых случаях переходящий в глобальный комплекс неполноценности. Откуда это взялось, понятно: нельзя же позволить населению страны за "железным занавесом" хотя бы понимать, о чем говорят по радио на волнах, где не работают "глушилки", тем более общаться с потенциальным противником. Любопытно другое: учащихся (стоило только им выучить азбуку чужого языка) всегда заставляли что-то переводить, прививая мнение о том, что перевод — это совсем просто. Разумеется, так может получиться только псевдоперевод, при котором чужой язык коверкают, а родной — уродуют; тем не менее вредные навыки создавались и быстро закреплялись. Питомцы этой системы и есть, с одной стороны, нынешние горе-переводчики, с другой — местные клиенты (см. "Миф первый").

А пушкинские "почтовые ошадки" / свещения" — профессионалы с десятилетиями опыта за плечами — покидают сцену, уходят в тень, уезжают... Возможно, через сотню-другую лет в нашей стране и вырастет новое поколение квалифицированных переводчиков, но это не имеет решительно никакого значения: ни мне, ни моим ровесникам перемен к лучшему не видать.

Принимающим решения хотел бы напоследок посоветовать: на переправе от дикости к прогрессу не меняйте лошадей, тем более не отправляйте их на колбасу. Ведь у нас и колбаса-то, как правило, получается "Отчаянно-чайная", пригодная разве что для неочеловеченных пока потомков Шарикова. ■